

ГЕНРИХ
МАНН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ГЕНРИХ МАНН

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ СЕДЬМОЙ

ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ
КОРОЛЯ ГЕНРИХА IV

Перевод с немецкого

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

Издание осуществляется
под редакцией
Г. Н. ЗНАМЕНСКОЙ, И. В. МИРИМСКОГО
и Т. Л. МОТЫЛЕВОЙ

**ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ
КОРОЛЯ ГЕНРИХА IV**

Перевод Н. Касаткиной

ВОЕННАЯ УДАЧА

Молва

Король победил. Впервые отбросил и смирил он противника. Правда, вражеской мощи он не уничтожил и не взял над ней решительно верх. Королевство его по-прежнему в смертельной опасности, да оно и отнюдь не в его власти. Оно все еще во власти Лиги, ибо беспутство современников, их сопротивление порядку и разуму за десятилетия междоусобных войн переросло в безумие. Вернее, хуже чем открытое безумие,— тупая привычка к бессмысленному и беспутному прозябанию овладела людьми, печальная примиренность с позором укоренилась в них.

Не первой победе короля изменить это. Единичная непрочная удача — что в ней от случая, а что от предопределения? Она не может убедить людей в их неправоте. Как так? Выходит, этот самый протестант с юга совсем не главарь разбойничьей шайки, выходит он истинный король! Кто же тогда все великие вожди Лиги: ведь каждый из них владеет провинцией или управляет областью, и притом самолично, со всей полнотой власти. Король же повелевает, пожалуй, лишь там, где стоит его войско. Мыслями королевство за короля: это не без тревоги и горечи признают многие. Мысль меньше подлинной власти, но она и больше. Королевство — это больше, чем пространство и владение, оно равнозначно свободе, оно тождественно праву.

Если извечная справедливость взглянет на нас с высот, она увидит, сколь страшно мы унижены, и даже

более того — что мы тлен и прах, гроб повапленный. Хлеба насущного ради мы подчинились злейшим изменникам и через них обречены попасть под пяту Испании. Из чистого страха терпим мы в стране рабство, духовное одичание и отказываем себе в высшем благе — свободе совести. Мы, бедные дворяне, служащие в войсках Лиги или занимающие государственные должности, и мы, именитые горожане, поставляющие ей товары, и мы, простой люд, идущий за ней: мы не всегда глупы, а иногда и не бесчестны. Но как же нам быть? Пошепчемся между собой, тайком вознесем молитву богу, а после неожиданной победы короля у деревни Арк на короткое время укрепимся в надежде, что настанет день!

Странное дело — издали события обычно представляются значительнее, нежели вблизи. Король одержал победу на берегу Северного моря; казалось бы, тем, что живут всего на расстоянии двух-трех дней пути, было над чем призадуматься. Особенно в Париже следовало оглянуться на себя и отречься от своих упорных заблуждений. Ничуть не бывало! На севере многие воочию видели, как, рассеявшись шайками по стране, бесчинствует разбитое несметное войско Лиги. Но взять это в толк никак не могли. Лигу здесь по-прежнему считали непобедимой и говорили лишь, что вследствие густого тумана, поднявшегося с моря, и благодаря другим обстоятельствам, составляющим военную удачу, король отвоевал незначительный кусок земли, вот и все.

Зато для внутренней части королевства долгожданная развязка явственно приблизилась. На реке Луаре и в городе Туре по старой памяти надеялись, что рано или поздно а король пожалует к нам собственной особой. Не первый это будет король, которого бы они встречали сперва несчастным беглецом, а под конец неоспоримым властелином. Об отдаленных западных и южных провинциях и говорить нечего: там битву у деревни Арк видели так, точно она еще раз происходила у них на глазах и была велением небес. Пламенные протестанты крепости Ла-Рошель, у океа-

на, пели тот самый псалом, с которым победил их король: «Явись, господь, и дрогнет враг...» Весь юг от Бордо наискось вниз, в пылу безудержного восторга, предвосхищал те события, которым еще не приспела пора: покорение столицы, наказание главных изменников и славное объединение королевства их Генрихом, рожденным здесь, выступившим отсюда и теперь ставшим больше всех!

В самом деле, разве его земляки так уж увлекались, не в пример прочим? Большим легче всего назвать человека, которого никогда в лицо не видал. Его же земляки по личным встречам знают, что роста он среднего, носит войлочную шляпу да потертый колет и всегда нуждается в деньгах. Они помнят его ласковые глаза; о чем, собственно, говорят эти глаза: о бодром духе или о пережитых печалях? Во всяком случае, он находчив, умеет подойти к простолюдину; еще лучше умеет обхаживать женщин. Из них многие, никому не счесть сколько, могли бы выдать его тайны. Но, обычно такие болтливые, тут они разом умолкают. Словом, здесь его знали в лицо и только что не участвовали в его последнем деле там, на севере, где стоял туман, где наши пели псалом, когда шли в атаку и одолевали могучее войско. Дело было нешуточное, и пока оно свершалось, небо и земля ждали, затаив дыхание.

Но теперь о победе стало известно и в самых дальних краях. О короле там до сих пор ничего не слышали. На большом расстоянии такая молодая слава кажется беспорочной и не от мира сего. И тем больше становится сразу носитель ее. Мир ждал его, миру опротивело терпеть в качестве единственного господина повелителя Филиппа Испанского, вечно того же безотрадного Филиппа. Угнетенный мир давно молил об избавителе: и вот он явился! Что такое его победа? Ничтожная битва, отнюдь не решительный перелом, и все же она важнее, чем недавняя гибель Армады. Тут некто своими собственными силами потряс трон властителя мира. Сотрясение, хоть и слабо, все же ощущается за рубежами, за горами и даже на том берегу моря. Говорят, будто в одном славном замор-

ском городе ходили по улицам с его портретом. Только его ли был портрет? Он сильно потемнел, его вытаскивали на свет божий в лавке старьевщика, отмыли. «Король Франции!» — вскричал народ и устроил шествие, даже попы примкнули к толпе. Молва всеведуща и крылата.

Действительность

Сам он не торжествовал победы. Ибо удавшееся дело тотчас же влечет за собой следующее; кто не хитростью добивается успеха, а честно зарабатывает его, тот даже не чувствует победы, и еще меньше опьянения. Король помышлял лишь об одном — как бы наскоком занять свою столицу Париж, пока еще герцог Майенн с разбитым войском Лиги не добрался до нее. Король был проворнее; а кроме того, парижане поверили рассказам, будто Майенн победил его и обратил в бегство; это дало ему лишнее преимущество. Однако к его приходу Париж уже опомнился и готовился к обороне, впрочем весьма бестолково. Вместо того чтобы удерживать крепостные стены и валы вокруг внутреннего города, парижане решили защищать и предместья. Это было на руку королю, который замыслил опрокинуть их в открытом поле и на плечах у беглецов ворваться в городские ворота.

Он без труда овладел наружными укреплениями, однако ворота в последний миг успели запереть. Попытка кончилась тем, что войска его, все эти швейцарцы, немецкие ландскнехты, четыре роты искателей приключений, четыре тысячи англичан, шестнадцать французских полков всем скопом наскочили, принялись громить, грабить, убивать. И больше ничего... Короля, правда, встречали криками ура, но среди грабежей и убийств. Он хоть и отдал приказ стрелять по городу поверх стен, но сам уже знал, что столицы своей ему не взять и на этот раз. Тогда он отправляется на покой во дворец, носящий его родовое имя: Малый Бурбонский зовется он; Генрих проник сюда как чужой, и скудная постель ждет его здесь — всего лишь

охапка свежей соломы. Три часа остается ему для сна, часть их уходит на думы и сопоставления.

«В городе стоит Луврский дворец, там пленником промаялся я долгие назидательные годы, и след тех годов остался на мне. Неужто свободным человеком и королем мне никогда не видать этого города? Однажды, в Варфоломеевскую ночь, во дворце пали почти все мои друзья, а в городе — большинство моих единоверцев. Вы отомщены спустя восемнадцать лет! Только на одном перекрестке мои солдаты умертвили сегодня восемьсот врагов, восклицая при этом: святой Варфоломей! Ужасно, что все возвращается и ничто, ничто не может вовеки исчезнуть из мира. Я предпочел бы прощение и забвение, я предпочел бы человечность. Что же истинно в наших распрях? Что я знаю? Верно одно — и в стенах города и за ними мы только и делаем что убиваем. Если б я проскочил в ворота раньше, чем их успели закрыть! Я бы показал парижанам милостивого победителя и истинного короля. У королевства была бы столица, у человечества — цель, на которую оно могло бы благобно поднять взор. А взамен — лишь немного утоленной мести, и привычное кровопролитие, и военная «дача».

У тридцатишестилетнего Генриха много позади gostей и неустанных трудов, но и радостей он вкусил без числа благодаря своему веселому нраву, а теперь вот он лежит на свежей соломе возле большого обремененного стола. Он еще раз вскакивает: король велит падать церкви — «и людей также!» — кричит он вслед капитану. Затем все-таки засыпает, ибо он научился владеть собой при незадачах и горестях не менее, чем в дни непредвиденной милости судьбы. Сон — его добрый друг — является исправно и приносит обычно то, что требуется Генриху: не страхи, а видения, сулящие добро. Сегодня Генриху привиделись во сне подплывающие корабли. Сперва они парили в дымке горизонта, потом выросли в мощные, сверкающие громады, заполонили залитое солнцем море: они приближались, они искали его, Генриха. Сердце у него забилося, и во сне его осенило, что означает это посещение.

О чем-то подобном шла речь вскоре после выигранной им битвы. Он тогда не стал вслушиваться по причине насущных, безотлагательных забот и трудов. Тут было не до сказок. Когда он пробудился после трехчасового сна, видение кораблей снова изгладилось из его памяти.

Наступил день всех святых; католики из королевской армии разбрелись по церквам предместий. Тем, что укрылись за стенами, было не до праздника, они оплакивали своих убитых и боялись за себя. Но к вечеру они были спасены, ибо войска Лиги подошли к Парижу и король не мог помешать им занять город с другой стороны; время было упущено. Он позволил своим захватить еще одно аббатство и прикончить триста парижан. Это было прощание, и не из красивых, никто лучше короля не понимал этого. Он и наказал себя — решил подняться на колокольню, чтобы увидеть город, а в провожатые взял монаха. Наверху на узкой площадке, наедине с монахом, Генрих пришел в смятение, ему вспомнился король, его предшественник. Ведь тот был убит монахом. Да и на него самого не раз уже из рукава рясы глядел нож. Миг — и он очутился позади своего провожатого, схватил его за обе руки. Монах не шелохнулся, хотя был рослый и дюжий. Генрих недолго глядел сверху на свою столицу; спускаясь по лестнице, он пропустил ненадежно го проводника вперед, сам же шел, отставая на две ступени. Внизу он встретил своего маршала Бирона. — Сир, — сказал Бирон, — ваш монах выскочил из двери и удрал.

В это мгновение раздался радостный вопль парижан, прибыл их полководец Майенн, собственной персоной, они угощали его солдат на улицах. На следующий день король привел свое войско в боевую готовность и дал врагу три часа сроку на то, чтоб выйти открытое поле. Тщетно, — Майенн был осторожен; гда король отошел. По пути он занимал крепости некоторые его полки, не получая жалования, разлись. С оставшимися король поскакал в свой ~~келью~~ Тур, чтобы принять там послов Венеции. Молва ~~не~~ ^{снова} манула: старая республика издалека слала своих ~~людей~~

рабли. Послы высадились на берег, и пока король покорял мелкие города, они не спеша следовали в глубь страны на север, дабы воздать ему почести.

Сказка

Он изо дня в день слышал об их приближении, волновался и потому посмеивался.— Дождь! У волхвов подмокнет ладан.— А самому было страшно, что Лига возьмет их в плен и перехватит у него, прежде чем они придут на место со всей великой pompой и громкой хвалой, которой собирались почтить его. Когда они были еще в нескольких днях пути от Луары, он выслал им навстречу многочисленный отряд, якобы в виде почетного конвоя, но на деле с более серьезной целью. После этого он стал ждать их в своем Турском замке, и ждал долго. В пути один из престарелых венецианских вельмож захворал.— Да, республика весьма стара,— сказал Генрих своему дипломату, Филиппу дю Плесси-Морнею.

— Старейшая в Европе, сир. Она была в числе могущественнейших, теперь же она наиопытнейшая. Кто говорит «опыт», обычно не понимает, что под этим подразумевается упадок. Тем, что едут сюда, известно это. Так вникните же в происходящее! Это мудрейшая республика, главная ее забота в том, чтобы с догоином нести старческие немощи и отодвигать конец, она держит лучших наблюдателей при всех дворах и все читает, читает доцесения: вдруг она встретила, она действует, Венеция бросает вызов всемирной державе, она воздает почести вам, после вашей победы над всемирной державой. Как же велика, о, ит, ваша победа!

— Я поразмыслил над своей победой. Победа, эдин де Морней,— начал Генрих, запнулся и, не зная, чем продолжать, быстро прошелся взад и вперед по каменной зале Турского замка. Товарищ его юношеских лет следил за ним глазами и в который раз решил, что правильно выбрал себе государя. Этот од-

ному только богу воздаст хвалу за свою победу! Непреклонный протестант снял шляпу при этой мысли. Так стоял он, сорокалетний человек в темной одежде; шею, по обычаю его единоверцев, окружал скромный белый отложной воротник, нижняя часть лица у него была сократовская, лоб высокий, необыкновенно гладкий и восприимчивый ко всяческому свету.

— Морней! — Генрих остановился перед ним. — Победа стала не та, что прежде. Оба мы знавали ее иной.

— Сир! — возразил посол ясно и невозмутимо. — В прежнем вашем звании короля Наваррского вы вра-
зумили несколько злонравных городов, которые были непокорны вам. Десять лет трудов и усилий — и в итоге одно значительное сражение; после этого крылатая молва — Фама достаточно прославила вас, чтобы вы сделались наследником французской короны. Король Франции, каковым вы стали теперь, будет менее кропотливо бороться, более величаво побеждать, и молве придется в его честь живее взмахивать крылами.

— Если бы разница была только в этом! Морней, после той моей победы, ради которой венецианцы едут сюда, я осадил Париж и ушел ни с чем. Разве венецианцы этого не знают?

— До Венеции далеко, и они уже были в пути.

— Они могли воротиться. Ведь они люди умные. Им ли не понять, что значит, когда королю приходится осаждать собственную столицу, и притом тщетно. Поубивал, пограбил — и ушел, заглянув с колокольни в город и испугавшись какого-то монаха.

— Превратности военной удачи, сир.

— Так мы это объясняем. Но что это на самом деле? В то время как я охранял одни ворота, Майе-
вступил в другие. Переправился через мост, кото-
по моему приказу должны были снести, но не с-
Вот что такое военная удача. У меня есть полк, и
когда побеждаю я, о ней можно сказать то же-
он

— Дело рук человеческих, сир.

— Все равно, есть же полководцы... — Генри-
ся, он вспомнил полководца по имени Парма, и не
полагался, как гласит о его мастерстве молва, а во-

енную удачу и не отговаривался тем, что все дело рук человеческих.

— Морней! — воскликнул Генрих и встряхнул своего советчика. — Ответь мне! Могу я побеждать? Мое призвание — спасти это королевство; но спокойнее был мой дух, когда никто еще не ехал сюда воздавать мне почести прежде времени.

— Венеции угодно считать, что вы победили, сир. Она не вернула бы своих послов, даже если бы ваше войско пришло в полное расстройство.

Генрих сказал: — Итак, мне дано познать, что слава — одно недоразумение. Я заслужил ее, а награжден ею все-таки незаслуженно.

И тут же выражение лица его изменилось, он повернулся на каблуках и весьма игриво принял тех господ, что как раз входили к нему. То были лучшие его сподвижники, нарядившиеся в новое платье. — Молодец, де ла Ну! — вскричал Генрих. — Рука железная, а переплыл реку! Молодец, Рони! На вас драгоценности из хорошего дома, хоть и не из вашего собственного, а уж сколько денег нашли и забрали вы в парижских предместьях! Не сделать ли мне вас своим министром финансов, вместо толстяка д'О?

Он огляделся, ему показалось, что они мало смеются. — Ничего я так не боюсь, как людей невеселых. Это люди неверные.

Те молчали. Он по очереди всматривался в каждого, пока не угадал всего. Тут ему кивнул его верный д'Обинье, сперва товарищ по плену, затем боевой соратник, неизменно смелый, неизменно праведный и в стихах и в делах. Этот испытанный друг кивнул и сказал: — Сир! Так и есть. Насквозь промокший гонец прибыл, как раз когда мы уже придем для приема.

Страх охватил Генриха. Он дал ему утихнуть. Только вполне овладев голосом, он весело ответил старому другу: — Что поделаешь, Агриппа, военная удача переменчива. Послы воротились. Но они еще передумают, ибо скоро я дам новое сражение.

За дверьми послышался сильный шум. Они распахнулись; между двух стражей появился, запыхав-

шись, не в силах вымолвить ни слова, насквозь промокший гонец. Его усадили и дали ему напиток.— Это уже другой,— заметил Агриппа д'Обинье.

Наконец тот заговорил: — Через полчаса послы будут здесь.

Генрих как услышал — схватился за сердце.— Теперь я заставляю их ждать до завтра.— После чего поспешно удалился.

За ночь свершилось чудо, и ноябрь превратился в май. С юга повеял теплый ветер, разогнал все тучи, небо простерлось светло и широко над парком Турского замка, над рекой, медленно и вольно протекавшей вдоль полей, посреди королевства. Стройные березы стояли почти оголенные; из замка видно было, как причаливают корабли, на которых переправлялись послы. Их поселили в загородных домах на том берегу. У окон первого этажа, вровень с землей, расположился двор, кавалеры и дамы, разряженные так богато, как только могли или считали подобающим. Роклор оказался всех изящней. У Агриппы были самые большие перья, Фронтенак соревновался с Рони. У последнего на шляпе и воротнике было больше драгоценностей, чем на платьях дам. Но лицо его, молодое и гладкое, выражало ту же умную сосредоточенность, что и обычно. Появилась сестра короля, сразу же показав себя прекраснейшей из дам. На высоком воротнике из кружев и алмазов покоилась ее изящная, белокурая головка; лицо дамы, по-придворному чопорное, все же обнаруживало внутреннюю ребячливость, которую не стирает ничто. Она была еще на пороге, когда ее тканное золотом покрывало зацепилось за что-то. Или, быть может, хромая нога подвела ее? Весь двор выстроился шпалерами на пути принцессы. Тут она видит, как в противоположную дверь входит король, ее брат. Короткий радостный вскрик, она забыла о себе, она без малейшего труда пробегает несколько шагов.— Генрих!

Они встретились в середине залы. Екатерина Бурбонская преклонила колено перед братом — они вместе играли в начале жизни, они путешествовали по стране в неуклюжих старых колымагах вместе с ма-